

Долгий и славный творческий путь М. П. Садовского был многотрудным по взаимоотношениям с дирекцией Малого театра. Еще смолodu Михаил Провович пишет близкому другу М. И. Писареву: «...Всечасно вспоминается, какие люди славные, с талантами не нашими, в борьбе изнемогли... А мало ли сломилось, а сколько затерялся талантов на Руси? Молить лишь бога надобно, чтоб образ человеческий, чтоб честь свою природную совсем не потерять... везде так много гадкого, худого, неприетного, что божий свет немил...» И далее в эпистолярной и стихотворно-сатирической форме, которой он, будучи и даровитым литератором, владел превосходно, высмеивает нездоровые явления окружающей жизни. А лучше всего — деятельность театральной администрации, состоявшей преимущественно из отставных офицеров-конногвардейцев, среди которых насчитывалось немало реакционеров, самодуров, интриганов-карьеристов, «по своим высоким качествам всегда готовых сделать любую пакость, хотя бы в силу простой привычки».

Михаил Провович именвал их «казармой», «конной гвардией», «трупями», неизменно «тиранившими» даже и его отца с Островским.

Своему «первоучителю» грамоты — известному актеру и писателю И. Ф. Горбуну он сообщает: «Лавочка наша торгуется плохо, и, управляемые рукою невежества, мы не видим себе никакого утешения в будущем». А другому адресату: «Я состою на службе в таком учреждении, где человеческие души, находясь в постоянной копоти, запакоциваются до того, что для их очистки потребно серьезное и сугубое покаяние...»

Ядовитые его эпиграммы, нацеленные на чиновничьи, закулисные, обывательские нравы, не щадившие и сильных мира сего, вместе с обличительными тенденциями в трактовке отрицательных сценических персонажей дали повод А. И. Южину сказать, что «мятежный дух великого трагика Мочалова и едкий сатиризм Михаила Садовского на протяжении трех четвертей века сближались друг с другом единством этой традиции»...

Взаимоотношения артиста с бюрократи-

ческой верхушкой театра, никогда по-настоящему не нормализовавшиеся и особенно обострившиеся на склоне его дней, носили как бы характер наследственной преемственности. Низкосортным репертуаром и нравами дирекции возмущался его прославленный отец. Вспомним и жалобы гениального Щепкина: «...Из артиста делают поденщика; репертуар преотвратительный — не над чем отдохнуть душой...» И позже, в письме к Гоголю: «Репертуар несколько не изменился, а все то же, мерзость и мерзость...»

Несмотря на строгую профессиональную этику, Садовские-старшие по возможности избегали выступать во вздорных пьесах или играли в них далеко не с полной самоотдачей. Такую тактику одобрил М. Е.

150 лет назад открылся московский Малый театр. Быстро забылось, что его здание — это бывший дом купца Варгина, но называть Малый театр «домом» мы не переставали никогда. Это Дом Щепкина, Дом Островского.

В ряду таких почетных и любовных определений (вспомним еще «второй московский университет») стоит и Дом Садовских.

И назовем из этих наименований полно глубокого смысла: имя Щепкина символизирует традицию сценического реализма, имя Островского —

создание национального репертуара; а династия Садовских (начата Провом Михайловичем, чей дебют в Малом театре состоялся в 1839 году),

блестяще утверждавшая эти традиции и этот репертуар

и не прерывающаяся до сего дня, напоминает нам еще и о том, что Малый театр —

это не просто годы и десятилетия все новых и новых спектаклей, а действительно школа, сильная преемственностью и единомыслием в искусстве.

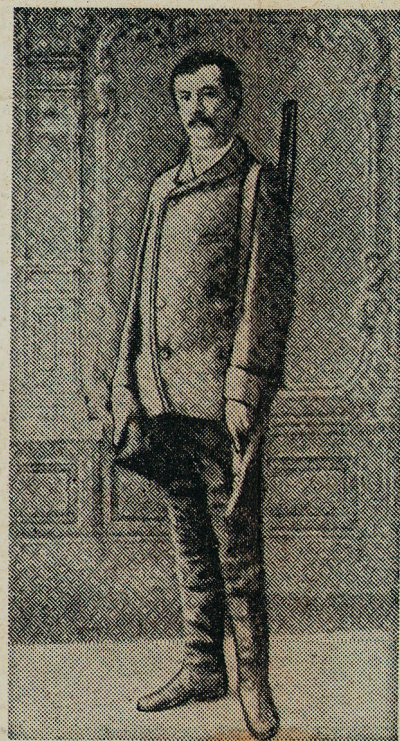
В преддверии юбилея старейшего нашего театра мы публикуем статью о втором представителе династии Садовских —

Михаиле Прововиче (1847—1910), имея в виду, что он был и замечательным артистом — как и его жена Ольга Осиповна, —

и человеком большого общественного темперамента, что как раз и выражает лучшие, наиболее существенные для нас черты

школы Малого театра.

# «ГОНИМЫЙ СКОМОРОХ»



Салтыков-Щедрин, полагавший, что «глупые пьесы следует играть как можно сквернее: это обязанность всякого уважающего себя актера. От этого может произойти тройная польза... прекратится систематическое оболечение публики каким-то мнимым блеском, закрывающим собой положительную дребедень... Отвадит плохих авторов от привычки ставить дрянные пьесы... и... через это воздастся действительная дань уважения искусству. Даровитые актеры, как, например, Садовский, так точно и поступают...»

Но престиж артистов, любимцев демократической интеллигенции, ничто не могло поколебать. Оттого, что ее — и тем более молодежь — «воспитывали не пьесы, а талант артистов. Учила Ермолова, Садовский, Южин и другие... Только внешне мы отделяли Малый театр от захватывавшего нас тогда жаркого спора народников и марксистов», — вспоминает зритель.

А когда халтурные изделия нескончаемым потоком хлынули на казенную сцену в последние годы Михаила Прововича, он демонстративно отделился от театра — своего «бывшего» родного, отчего дома, где теперь нагло хозяйничали цепкие деятели... Но и тогда не терял страстной веры в грядущее его возрождение. И нетерпеливо ждал разрядки катастрофически накалившейся общественно-политической атмосферы.

«Восхода новой зорюшки ужли нам не видать?»...

В его дневнике появляется такая запись: «Читая речи кадетских ораторов в Думе, я все думаю, что это продолжение «На всякого мудреца»: в образе Городулина, во всей его повадке заложено все то, по чему теперь легко отличить «кадета» от представителей других партий, и этого вполне достаточно, чтобы понять, чего можно ожидать от дельцов такой марки».

Открытое пренебрежение Садовского к опостылевшим «песочкам», вплоть до отказа от «ролек» влекло за собою неприятные последствия. Начальнический гнев сопровождался и денежным ущербом, в конечном же итоге — резкое, почти наполовину снижение ему годного оклада. Вот и еще любопытный штрих. М. П. Садовский ни разу не был награжден медалью «За усердие», которой удостаивались не только большинство актеров, независимо от их положения, но и капельдинеры императорских театров. Очевидно, во всем этом были повинны «прегрешения» актера, активно вторгавшегося в общественную жизнь, охотно откликавшегося на любую полезную инициативу.

В молодости наряду с большой работой в Малом театре Михаил Садовский безвозмездно трудился и в «Артистическом Кружке», выпестовавшем его самого и заменявшем тогда школу актерского искусства. И поддержал кружок материально, весьма солидной суммой, доставшейся ему из отцовского наследства. Охотно участвовал он в разных просветительских мероприятиях, бесплатно проводимых в университетских аудиториях. Кроме эпиграмм, не забывался и его перевод бунтарски прозвучавшей и после премьеры запрещенной драмы «Корсиканка»...

Многочисленные почитатели Садовского, по праву считавшие его человеком особого склада, находили, что его завидная одаренность не была по-настоящему оценена. И оттого, естественно, выдающийся художник не всегда мог высказаться со всей глубиной своих потенциальных возможностей...

«Гонимый скоморох», — метко отрекомендовался Михаил Провович в письме к «многочужаемому идолу» — А. Н. Ост-

ровскому, постоянно защищавшему своего любимца от преследований. Многолетняя, интереснейшая их переписка прекратилась лишь вместе с кончиной Александра Николаевича...

— Где-то у Достоевского сказано, — заметил однажды М. П. Садовский, — «что в России всякий чиновник, если только у него хватит терпения прослужить тридцать пять лет, может стать генералом. А я вот уже тридцать восемь лет претерпел, а все еще по своему ведомству не генерал...». И лишь к сорокалетнему актерскому юбилею — «во внимание к отлично усердной, выдающейся и долговременной службе» — получил он наконец звание заслуженного артиста императорских театров. Да, прав П. М. Садовский, народный артист СССР, когда сказал: «Будь у отца более покладистый характер, умей он приспособливаться к затхлому казенной обстановке театра — и ему, и Ольге Осиповне жилось бы в Малом театре куда волготнее...»

Быть может, на поверхностный взгляд единоборство актера с могущественной дирекцией покажется пустой тратой энергии, неразумным допихотством. При вдумчивом же рассмотрении — и на отдалении рлда исторических десятилетий — отношении Садовского с «вицимундирами» вырисовываются гораздо более четко строптивого актера с притеснителями, сколько принципиальные, идейные разногласия. Прямой творческий приемник своего отца и А. Н. Островского, М. П. Садовский предстает и убежденным их единомышленником, и соратником в героическом поединке за прогресс русской театральной культуры. Преданный патриот и хранитель утвержденных великими предшественниками лучших, донные живых сценических традиций, он видится нам подлинным выразителем сокровенных дум и устремлений авангарда русских актеров предреволюционной эпохи.

Словно полномочный представитель всей, в корне демократической, вольнолюбивой их громады...

И. ЗЛОТНИКОВА.

НА СНИМКЕ: М. Садовский в роли Мурзавецкого в пьесе «Волки и овцы».